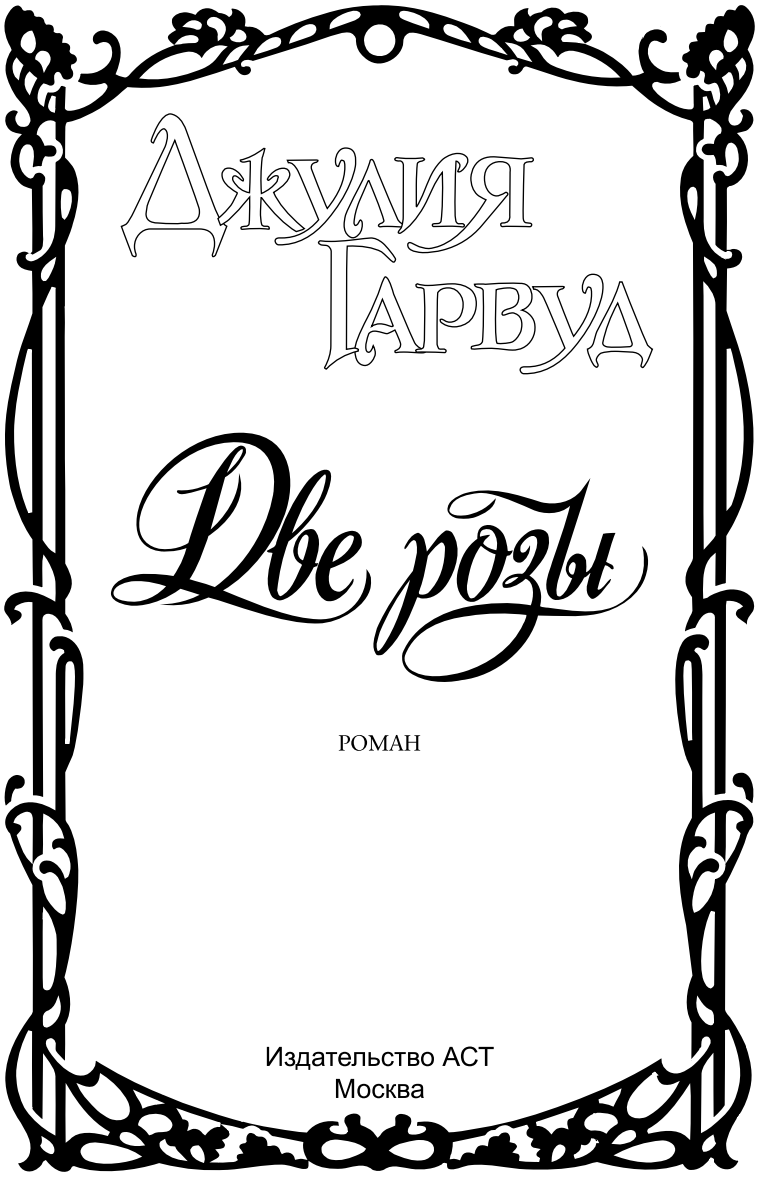

A decorative black border with intricate floral and scrollwork patterns frames the entire text area.

Джунья
Гарвуд

Две розы

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г20

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Julie Garwood
FOR THE ROSES

Перевод с английского А. А. Загорского

Компьютерный дизайн Г. В. Смирновой

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения литературных агентств
Jane Rotrosen Agency LLC и Andrew Nurnberg.

Гарвуд, Джулия.

Г20 Две розы : [роман] / Джулия Гарвуд ; [перевод с английского А. А. Загорского]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 416 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-117592-4

Когда-то много лет назад четверо беспризорников выбрали на улице корзинку с девочкой-подкидышем. Теперь в глуши штата Монтана живет веселая Мэри Роуз Клэйборн, окруженная страшными старшими братьями, и вполне счастлива.

Но однажды в городке Блю-Белл появляется пришелец из далекой Европы — красавец лорд Харрисон Стэнфорд Макдональд. Этот изысканный джентльмен покоряет сердце Мэри Роуз, сам, в свою очередь, платит ей взаимностью... и случайно открывает девушке тайну.

Тайну, которая в одночасье изменяет все — и может погубить все надежды Харрисона и Мэри Роуз на счастье...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-117592-4

© Julie Garwood, 1995
© Перевод. А.А. Загорский, 2019
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Пролог

Нью-Йорк, 1860 год

Они нашли ее на помойке. Мальчишкам повезло — крысы еще не успели добраться до нее. Две твари уже забрались на плетеную корзинку для пикников и яростно царапали прутья, а еще три рвали боковые стенки острыми, как бритва, зубами. Крыс приводил в неистовство доносившийся до них запах молока и нежной, сладкой живой плоти.

Переулок, где находилась помойка, был для четверых мальчишек чем-то вроде дома. Трое из них спали без задних ног в импровизированных постелях — выстланных изнутри соломой деревянных ящиках. Всю ночь они шныряли по округе, воруя то, что плохо лежит, и дрались за добычу, и теперь были слишком измучены, чтобы слышать крики ребенка. Спасти девочку выпало Дугласу, четвертому члену шайки. На сей раз настала его очередь исполнять роль часового, и он затаился у входа в переулок. Мальчик издали заметил закутанную в темный плащ женщину. Она торопливо приближалась с корзиной в руках. Дуглас издал негромкий, низкий свист, предупреждая товарищей о возможной опасности, а затем спрятался за грудой старых, покособившихся бочек из-под виски. Постояв немного на углу, женщина воровато оглянулась, вбежала в переулок и остановилась так резко, что юбки обвилились вокруг ее лодыжек. Затем она размахнулась и изо всех сил швырнула свою ношу на высокую кучу мусора, громоздившуюся у противоположной стены. Долетев почти до самого верха, корзина упала на бок. Женщина все время что-то бормотала себе под нос, но Дуглас не разобрал ни слова, потому что ее голос заглушали звуки, исходившие из корзины, — ему казалось, что они похожи на мяуканье кошки. Бросив на корзинку быстрый взгляд, он снова сосредоточил все свое внимание на женщине, вторгшейся на его территорию.

Женщина определенно чего-то боялась. Дуглас заметил, что рука ее дрожала, когда она глубже натягивала на

голову капюшон. Должно быть, она чувствует себя виноватой, избавляясь таким образом от животного, которое, возможно, когда-то было любимцем ее семьи. Наверное, рассудил он, животное стало старым и больным, и его не захотели больше держать в доме. Как это похоже на людей, подумал Дуглас. Им всегда в тягость старики и дети. Мальчик вдруг поймал себя на том, что покачивает головой, а с губ его вот-вот сорвутся горькие слова по поводу несправедливого устройства мира. Почему бы женщине не отдать кому-нибудь несчастное животное? Он не успел развить эту мысль до конца — женщина внезапно повернулась и бросилась назад на улицу, ни разу не оглянувшись. Не успела она свернуть за угол, как Дуглас снова свистнул — на этот раз громко и пронзительно. Самый старший из ребят, беглый негр по имени Адам, вскочил на ноги с быстротой и ловкостью лесного хищника. Дуглас указал ему на корзину и припустился вдогонку за женщиной. Он заметил толстый конверт, выглядывавший из кармана ее плаща, и решил, что настало время пожить — как-никак, он был лучшим одиннадцатилетним карманником на Маркет-стрит.

Адам проводил взглядом Дугласа, потом попытался достать корзину. Это оказалось не такой уж легкой задачей — крысы не желали расставаться с добычей. Одной из них Адам угодил прямо в голову острым камнем — злобное создание запищало и кинулось наутек. После этого Адам зажег факел и помахал им около корзины, чтобы отпугнуть других. Удостоверившись, что все они разбежались, он поднял корзину и понес ее к ящикам, в которых по-прежнему спали остальные члены их компании, но тут же едва не выронил ее, услышав доносившиеся изнутри какие-то слабые звуки.

— Трэвис, Кол, просыпайтесь, — сказал Адам. — Дуглас что-то нашел.

Миновав ящики, он дошел до тупика, которым кончался переулок, сел, скрестив длинные худые ноги, и поставил корзинку на землю. Затем откинулся назад, опершись спиной о кирпичную стену, и стал ждать своих приятелей.

Кол уселся справа от Адама, Трэвис, громко зевая, плюхнулся слева.

— Что ты такое нашел, босс? — спросил Трэвис хриплым со сна голосом.

Месяц назад мальчики выбрали Адама своим вожаком. Сие решение было продиктовано как логикой, так и эмоциями. Адам был самым старшим из всей компании — ему почти исполнилось четырнадцать, и он по праву должен был занять место лидера. Кроме того, он слыл самым смышленным из всех четверых. Имелась, однако, и еще одна, более веская причина — Адам

4 рисковал жизнью, чтобы спасти товарищей от неминуемой

смерти. В нью-йоркских трущобах, обитатели которых подчинялись лишь одному закону — закону выживания сильнейшего, не было места предрассудкам. Ночью здесь правили бал голод и насилие, а они не разделяли людей по цвету кожи.

— Босс, — прошептал Трэвис, напоминая жожаку, что ждет ответа.

— Я не знаю, что это, — сказал Адам.

— Корзина, что же еще, — пробормотал Кол. — Защелка на крышке выглядит так, как будто она из настоящего золота. Ты как думаешь?

Адам пожал плечами. Трэвис, самый младший из мальчиков, слегка засуетился, взял факел, который протянул ему Адам, и поднял его высоко над головой, чтобы все могли получше рассмотреть находку.

— Может,ждемся Дугласа, прежде чем открывать эту штуку? — спросил Трэвис и оглянулся на вход в переулок. — Куда он подевался?

— Сейчас подойдет, — сказал Адам, протягивая руку к защелке.

— Подожди, босс. Там внутри что-то шумит, — остановил его Кол и потянулся за своим ножом. — Ты слышишь, Трэвис?

— Слышу. Как бы оно нас не укусило. Вдруг там змея?

— Никакая там не змея, — с явным раздражением заявил Кол. — У тебя вместо мозгов мякина, приятель. Змеи не пищат, как... как какие-нибудь котята.

Уязвленный его резким ответом, Трэвис смущенно потупился.

— Мы никогда не узнаем, что там, пока не откроем корзину, — пробормотал он.

Адам согласно кивнул, отодвинул задвижку в сторону и приподнял крышку примерно на дюйм. Никто не прыгнул на них в образовавшуюся щель. Тогда он осторожно перевел дыхание и откинул крышку. Скрипнула петля, и крышка, описав дугу, ударилась о заднюю стенку корзины. Мальчики, вжимаясь плечами в стену, наклонили головы и заглянули внутрь.

У всех троих вырвался возглас удивления — они не могли поверить своим глазам. В корзине безмятежно спал чудесный, красивый, словно ангел, младенец. Дитя держало во рту крохотный кулачок и время от времени издавало жалобные хныкающие звуки.

— Господи Боже, — прошептал Адам, — кто же это мог выбросить такое сокровище?

Кол, при виде ребенка выронивший нож, теперь нагнулся за ним и, заметив, что рука его дрожит от волнения, покачал головой.

— Ну и что тут такого? — заговорил он нарочито грубым голосом, стараясь скрыть смущение. — Люди посто-

янно так делают. И бедные, и богатые — без разницы. Когда им что-то надоедает, они это выбрасывают, словно мусор. Разве не так, Трэвис?

— Верно, — согласился тот.

— Босс, разве ты ни разу не слышал истории про сиротские приюты, которые рассказывали Дуглас и Трэвис?

— Я видел там очень много детей, — заявил Трэвис раньше, чем Адам успел ответить на вопрос Кола. — Ну, может, не очень много, но порядочно, — поправился он, стараясь быть предельно точным. — Их держали на третьем этаже. На моей памяти никому из этих малюток не удалось оттуда сбежать. Их загоняли в палату, а потом начисто про них забывали. — Голос его дрогнул при воспоминании о том времени, которое он провел в одном из городских приютов для бездомных детей. — Такой кроха ни за что бы там не выжил. Он слишком мал.

— На Мэйн-стрит я видел и поменьше, — возразил Кол. — У одной шлюхи, Нелли, был такой. А почему ты думаешь, что это мальчик?

— Он же лысый, а лысыми бывают только мальчишки.

Аргумент Трэвиса показался Колу вполне резонным. Он кивнул в знак согласия и повернулся к жожаку:

— Что мы будем с ним делать?

— Ну не выбросим же.

Это произнес незаметно вернувшийся Дуглас. Трое мальчиков вздрогнули от неожиданности и от резкого тона, каким это было сказано. Дуглас кивком подтвердил свои слова и продолжил:

— Все произошло у меня на глазах. Какой-то разодетый пиджон вышел из дорожного экипажа с этой самой корзинкой в руке. Потом он встал под фонарем, и я разглядел его так, что лучше некуда. Женщина стояла на углу и, как я понял, дожидалась его, потому что он, как вышел из коляски, прямоком двинулся к ней. Она все старалась спрятать лицо и натягивала на голову капюшон. Судя по всему, женщина она хорошая и чего-то боится. Потом этот франт начал сердиться, и я быстро сообразил почему.

— Ну и почему же? — спросил Кол, поскольку Дуглас умолк.

— Она не хотела брать корзину, вот почему, — объяснил Дуглас, присаживаясь рядом с Трэвисом. — Она, видишь ли, не соглашалась и все качала и качала головой. Тогда этот парень разорался и начал тыкать в нее пальцем, а потом вытащил толстый такой конверт и показал ей. Тут она будто очнулась и выхватила у него пакет — быстро, что твоя молния. Я еще подумал — что бы ни было в конверте, это наверняка нечто важное. Потом она взяла корзинку. Этот тип полез назад в экипаж, а она сунула конверт к себе в карман.

6 — А дальше что? — спросил Трэвис.

— Женщина подождала, пока коляска завернет за угол, — сказал Дуглас. — А потом прокралась в переулок и выбросила корзину. Я на нее и внимания-то не обратил — думал, в ней какой-нибудь старый кот. Мне и в голову не могло прийти, что там ребенок. Я бы так просто не ушел, если бы знал...

— А куда ты ходил? — перебил Дугласа Кол.

— Я сгорал от любопытства — что же в том конверте. Ну я и пошел за женщиной.

— Ты его свистнул? — поинтересовался Трэвис.

— Ясное дело, — фыркнул Дуглас. — Не зря же меня считают лучшим карманником на Маркет-стрит. Женщина торопилась, но мне удалось залезть к ней в карман в толпе пассажиров, которые хотели успеть на полночный поезд. Эта дура даже ничего не почувствовала. Готов спорить, сейчас она ломает голову, куда подевался пакет.

— А что в нем? — спросил Кол.

— Ты не поверишь.

Кол закатил глаза — Дуглас имел раздражавшую всех остальных привычку ходить вокруг да около.

— Ради Бога, Дуглас, если ты не... — пригрозил было Кол, но Трэвис не дал ему закончить.

— Я хочу сказать кое-что важное, — выпалил он. Похоже, его нисколько не интересовало содержимое конверта — мысли паренька были заняты ребенком. — Мы единодушно решили, что не выбросим этого младенца. Вот я и думаю — кому мы его отдадим?

— Я не знаю никого, кому был бы нужен ребенок, — признал Кол и, подражая старшим и более опытным бродягам, потер нижнюю челюсть, лишенную каких-либо признаков растительности, — ему казалось, что этот жест прибавляет ему возраста и является свидетельством мудрости бывалого человека. — На что он годится?

— Пожалуй, ни на что, — ответил Трэвис. — Пока по крайней мере. Впрочем, когда он подрастет...

— Что? — Дугласа заинтриговали мечтательные нотки, прозвучавшие в голосе Трэвиса.

— Нам удалось бы его кое-чему научить.

— Чему же это? — спросил Дуглас и прикоснулся ко лбу малышки указательным пальцем. — Кожа у него прямо атласная.

Трэвис продолжал грезить о том, как он с товарищами будет воспитывать и обучать малыша. Эта идея давала ему ощущение собственной значимости... и нужности кому-то.

— Дуглас, ты мог бы натренировать его шарить по карманам. А ты, Кол, мог бы показать ему, как надо пугать народ. У тебя и впрямь становятся очень страшные глаза, когда

тебе кажется, что тебя обидели. Вот ты и научил бы этому малыша.

Кол улыбнулся — слова Трэвиса явно были ему приятны.

— Я стянул револьвер, — прошептал он.

— Когда? — спросил Дуглас.

— Вчера.

— Я его уже видел, — похвастался Трэвис.

— Лишь только мне удастся разжиться патронами, я как сле-
дует научусь из него стрелять, — сказал Кол. — Буду самым мет-
ким стрелком на Маркет-стрит. Может, мне придется потрени-
ровать малыша, чтобы он стал в этом деле вторым после меня.

— А я бы мог научить его находить всякие нужные вещи, —
заявил Трэвис. — Я ведь хорошо нахожу то, что нам нужно, вер-
но, босс?

— Да, — согласился Адам.

— Мы стали бы лучшей шайкой во всем Нью-Йорке, кото-
рой боялись бы все, — прошептал Трэвис. Глаза его засверкали,
а в голосе зазвучали мечтательные интонации. — Даже Лоуэлл и
его ублюдки-друзья, — добавил он, имея в виду членов конкури-
рующей шайки, которых в глубине души страшились все четверо.

Мальчики немного помолчали, представляя себе соблазни-
тельную картину, нарисованную Трэвисом. Кол снова потер под-
бородок — он настолько увлекся воображаемыми сценами, что
ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы голос его звучал
спокойно:

— Босс поведал бы малышу все, что ему рассказывала его ма-
ма про разные книжки. Глядишь, он вырос бы таким же умным,
как сам Адам.

— И при этом никто не стегал бы его по спине кнутом, — до-
бавил Трэвис.

— Если мы оставим его у себя, то первым делом надо снять
с него это девчоночье платье, — заявил Дуглас, глядя на длин-
ное белое покрывало, в которое было закутано дитя. — Никто и
никогда не будет над ним смеяться. Уж об этом-то мы позабо-
тимся.

— Я убью любого, кто позволит себе хотя бы хихикнуть, —
пообещал Кол.

— Такие вещи надевают на всех детишек, — сказал Трэвис. —
Они в такой одежке спят.

— Как это? — не понял Дуглас.

— Им не нужна обычная одежда, в которой они могли бы хо-
дить, потому что ходить-то они еще не умеют.

— А как мы его будем кормить? — спросил Кол.

— Видишь, кто-то положил в корзинку бутылку с моло-
ком. Когда она опустеет, я добуду ему сызнава, — пообещал

шал Трэвис. — У него, наверное, еще нет зубов, и он не может есть нормальную пищу. Здесь осталось немного сухих пеленок — я достану еще.

— Откуда ты так много знаешь про детей? — спросил Кол.

— Знаю, и все, — ответил Трэвис, пожав плечами.

— А кто будет его переодевать, когда он обмочится? — спросил Дуглас.

— Давайте это делать по очереди, — предложил Кол.

— На веревках за домом Мак-Куини сушатся пеленки, — сказал Трэвис. — И одежда маленького размера там тоже висит. Я стяну для малыша кое-что. Да, а как мы его назовем? У кого-нибудь есть идея?

— Как насчет Маленького Кола? — предложил Кол. — Неплохо звучит.

— А как насчет Маленького Дугласа? — отозвался Дуглас. — Звучит еще лучше.

— Мы не должны называть его в честь одного из нас, — возразил Трэвис, — чтобы не передрались.

Дуглас и Кол в конце концов согласились с Трэвисом.

— Ну ладно, — подытожил Кол. — Но имя у него должно быть действительно звучное.

— Моего отца звали Эндрю, — вставил Дуглас.

— Ну и что из этого? — отозвался Кол. — Когда твоя мать умерла, он сплавил тебя в приют. Разве не так?

— Ага, — подтвердил Дуглас, понурившись.

— Нельзя нарекать малыша в честь того, кто избавился от собственного ребенка, — заявил Кол. — У нас свои принципы, верно? Беднягу уже выбросили на помойку, так нечего ему лишний раз напоминать об этом и прозывать именем твоего папаша. Не назвать ли нам его Сиднеем? Помнишь того отчаянного парня, который командовал девчонками на Саммит-стрит? И лихой же малый был этот Сидней.

— Точно, — ответил Дуглас. — Его здорово все уважали.

— Что правда, то правда, — сказал Кол. — И ведь умер он своей смертью, что немаловажно, точно? Никто его не прикончил.

— Мне нравится это имя, — заметил Трэвис. — Давайте проголосуем.

— Кто за? — Дуглас поднял правую руку, покрытую грязью и сажей.

Кол и Трэвис тоже подняли вверх руки. Адам не пошевелился. Тут только Кол — единственный из компании — обратил внимание, что в последние несколько минут их вожак в основном отмалчивался.

— Что-нибудь не так, босс? — спросил он, оглянувшись на Адама.

— Ты сам знаешь, — ответил тот, и в голосе его, похожем на голос старика, прозвучала усталость. — Мне надо уходить. У меня нет шансов выжить в городе. Я и так уже здесь подзадержался. Если я хочу быть свободным и не тревожиться, как бы меня не разыскали сыновья хозяина и не увезли обратно, мне надо пробираться на Запад. Я не могу жить, вечно прячась в переулках, пока не стемнеет. Скрыться можно только в диких местах. Вы ведь понимаете меня, верно? Так что в данной ситуации с ребенком у меня не должно быть права голоса. Меня здесь не будет, и я не смогу помочь вам его растить.

— Мы не осилим этого без тебя, Адам! — испуганно воскликнул Трэвис. Голос мальчика дрогнул, из горла вырвался громкий всхлип — мысль о том, что его покровитель и защитник покинет его, ужасала не на шутку. — Ты не можешь нас оставить. Не уходи, пожалуйста, — умолял он, готовый сорваться на крик.

Шум потревожил младенца. Ребенок завозился и захныкал.

Адам, склонившись над корзиной, неуклюже похлопал малыша по животу, но тут же отдернул руку.

— Ребенок промок насквозь, — сказал он.

— В чем это он промок? — не понял Кол и потянулся к бутылке, чтобы посмотреть, не треснуло ли стекло.

— Обдулся, — пояснил Трэвис. — Надо бы снять с него пеленку, босс, а не то у него попка заболит.

Было ясно, что младенец вот-вот проснется. Мальчики с любопытством разглядывали его — ни один из них не мог припомнить, чтобы ему приходилось видеть такое крохотное человеческое существо.

— Гляди-ка, когда он корчит рожи, у него все лицо морщинами собирается, — прошептал Дуглас и фыркнул. — Забавный, верно?

Кол кивнул, потом повернулся к Адаму:

— Пока что ты здесь заводишь, Адам. Снимать пеленку придется тебе.

Старший из компании глубоко вздохнул, соорудил гримасу и, ухватив младенца под мышки, вынул его из корзины.

Ребенок открыл глаза. В свете факела, который держал Трэвис, мальчики увидели, что они были удивительно яркого голубого цвета.

— Он прямо твой младший брат, Кол. Глаза у него такие же голубые, как у тебя.

Адам держал младенца перед собой на вытянутых руках. На лице у него застыло напряженное выражение, на лбу выступили капельки пота. Он пребывал в явной растерянности и молил Бога, чтобы ребенок не заплакал. Хриплым шепотом он попросил Кола приподнять покрывало и развязать пеленку.

— Почему я? — недовольно спросил Кол.

— Трэвис держит факел, а Дугласу из-за меня не дотянуться, — ответил Адам. — Давай быстрее. Как бы он опять не записал. Я боюсь его уронить — он легкий, словно воздух.

— До чего занятное дитя, правда? — сказал Трэвис, обращаясь к Дугласу. — Посмотри, как он всех нас изучает. Маленький, а такой серьезный.

— Дуглас, вытри мне лоб, — попросил Адам.

Дуглас взял тряпку и промокнул ему лоб. Адам действовал с такой осторожностью, словно в руках у него очутился динамит. Он был так скован, что на него больно было смотреть. Лишь Трэвис счел поведение вожака смешным и расхохотался.

— Да не взорвется он, босс. Он такой же, как ты, только поменьше.

Кол не обращал внимания на замечания, которыми перебрашивались мальчики. Затаив дыхание, он возился с пеленкой. От прикосновения к мокрой хлопчатобумажной ткани его замутило. Наконец ему удалось развязать тряпку, и она шлепнулась на землю рядом с корзинкой. Ребята на минутку примолкли. Потом Кол вытер пальцы о штанины и протянул руки, чтобы закутать в покрывало толстенькие ножки младенца. Он уже почти проделал это, как вдруг его осенило. Кол посмотрел еще раз, чтобы удостовериться окончательно.

Сидней был девочкой. «Лысой девочкой», — подумал Кол. Дурнота у него тотчас прошла, и он разозлился. На кой черт им нужна ни на что не годная девчонка? Он не собирался иметь с этим младенцем ничего общего. Девчонку следовало забросить назад в помойку.

Малютке, однако, потребовалось меньше минуты, чтобы изменить его мнение. Кол уже собирался выругаться, когда случайно взглянул на младенца. Ребенок смотрел прямо на него. Кол переместился влево, но малышка следила за ним широко раскрытыми, доверчивыми глазами. Он попытался отвернуться, но не смог.

И тут крохотное существо нанесло последний удар — девочка улыбнулась. Кол был сражен наповал. Именно в эту минуту между ним и ребенком возникла некая связь.

Остальные были также сражены наповал.

— Мы должны все сделать как следует, — произнес Кол едва слышным шепотом.

— Что именно? — задал Трэвис вопрос, который вертелся на языке у всех.

— Про то, чтобы стать лучшей бандой в Нью-Йорке, и говорить больше нечего. Мы не можем держать ребенка здесь. Ей нужна семья, а не шайка уличных бродяг, которые будут ее учить всяким штукам.

— Ей? — Адам едва не уронил ребенка. — Ты что же, думаешь, что Сидней — девчонка?

— Я в этом уверен, — заявил Кол, сопроводив свои слова кивком. — Чтобы быть мальчиком, ей кой-чего не хватает.

— Господи, помоги нам, — прошептал Адам.

Кол не решил, что показалось ему смешнее — ужас, написанный на лице Адама, когда он зывал к Богу, или странный звук, который он издал горлом, прохрипев последнюю фразу. Голос его прозвучал так, словно он чем-то подавился.

— Я не хочу, чтобы у нас тут заводились девчонки, — пробормотал Трэвис. — Я их ненавижу всех до единой. Они только и знают, что жаловаться да пускать нюни.

Другие члены компании не обратили на слова Трэвиса никакого внимания. Адам выглядел так, словно внезапно почувствовал себя плохо.

— В чем дело, босс? — спросил Кол.

— Чернокожий не должен держать в руках маленькую девочку, белую, как лилия, — ответил Адам.

Кол фыркнул.

— Я своими глазами видел, как ты спас ее от крыс, — сказал он. — Если бы она была постарше и понимала, что к чему, она бы наверняка это оценила.

— Еще как бы оценила, — кивнув, согласился Дуглас.

— Кроме того, — продолжал Кол, — она не знает, черный ты или белый.

— Ты хочешь сказать, что она слепая? — потрясенно спросил Трэвис.

— Да нет, — пробормотал Кол, старательно демонстрируя Трэвису, самому младшему из четверки, свое отчаяние по поводу его бестолковости. — Она просто еще слишком мала, чтобы что-нибудь знать о ненависти. Столь невинные создания еще не умеют ненавидеть. Этому их учат позднее. В Адаме она сейчас видит просто э-э... брата. А старшие братья защищают своих маленьких сестреночек, верно? Это священное правило или нечто в этом роде. Возможно, малютка об этом уже знает.

— Я поклялся своей матери, — снова заговорил Адам, — что убегу как можно дальше на Запад и не остановлюсь, пока не найду безопасное место. Мама сказала мне, что скоро будет война, а когда она кончится и все устроится, ее могут освободить. И тогда она приедет за мной — мне надо только остаться в живых до этого дня. Сын не должен нарушать клятвы, которую он дал своей матери. Мне надо бежать отсюда — ради нее.

— Возьми ребенка с собой, — попросил Кол.

— Меня за такое как пить дать повесят, — ухмыльнулся

12 Адам.

— Черт побери, тебя так и так повесят за то, что ты убил того ублюдка, своего хозяина. Ты что, забыл? — сказал Кол.

— Если, конечно, поймают, — вставил Дуглас. — А ты слишком хитер, чтобы попасться.

— Я уже чувствую себя братом этой крохи, — объявил Кол.

Мальчики тут же уставились на него, и ему стало неловко под их взглядами.

— В этом нет ничего странного, — торопливо пояснил он. — Я сильный, а она всего лишь беззащитная малютка, которой нужны братья вроде нас с Адамом, которые приглядывали бы за ней, чтобы она росла хорошей девочкой.

— Хорошей девочкой? А что ты понимаешь в таких делах? — спросил Дуглас с насмешкой и недоверием в голосе.

— Ничего, — согласился Кол. — Зато Адам знает об этом все, правда, Адам? Ты здорово говоришь, а читаешь и пишешь как настоящий джентльмен. Твоя мама научила этому тебя, а теперь ты можешь обучить меня. Я не хочу, чтобы моя маленькая сестренка считала меня неучем.

— Он мог бы обучить нас всех, — сказал Дуглас, который, как видно, не собирался оставаться в стороне.

— Будь я ее старшим братом, я бы к ней хорошо относился, — пробурчал Трэвис. — Когда я вырасту, стану необыкновенно сильным. Правда, Дуглас?

— Да, — подтвердил Дуглас. — Знаешь, что я думаю?

— Что? — спросил Адам и улыбнулся, потому что в этот миг крошечное существо, которое он держал на руках, подарило ему глупейшую ухмылку. Очевидно, девочке нравилось быть в центре внимания. Похоже, она уже приобрела немалое влияние на всех остальных. По телу Адама разлились тепло и умиротворенность. Легкость, с которой девочка приняла его, помогла избавиться от бремени, что камнем лежало на сердце, когда он вынужден был расстаться со своей матерью. Ребенок появился словно дар небес, и Адам понял, что теперь его долг — заботиться о младенце, оберегать и лелеять его.

— Порой я задумываюсь, всегда ли Бог знает, что делает, — прошептал он.

— Само собой, всегда, — отозвался Дуглас. — И я считаю, что Он предпочел бы, чтобы мы выбрали для нашей малютки другое имя. Надеюсь, у нее отрастут хоть какие-то волосы. Мне как-то не улыбается иметь лысую сестренку.

— Пусть будет Мэри, — предложил Кол.

— Роуз, — произнес Адам одновременно с ним.

— Мою мать звали Мэри, — объяснил Кол. — Она умерла, когда рожала меня. Соседи говорили, что она была очень хорошей женщиной.

— А мою мать зовут Роуз, — сказал Адам. — Она тоже очень хорошая женщина.

— Малышка засыпает, — прошептал Трэвис. — Положите ее в корзину, а я постараюсь ее перепеленать. А потом уж спорьте насчет ее имени.

Адам молча повиновался. Все наблюдали за тем, как Трэвис неумело закутал девочку в сухое. Ребенок уснул еще до того, как он закончил возиться с пеленкой.

— Я думаю, пререкаться тут нечего, — произнес Дуглас.

Он наклонился, чтобы укрыть ребенка, в то время как Адам и Кол тихо препирались — каждый пытался убедить другого назвать малышку в честь именно его матери.

Дуглас знал, что спор вот-вот разгорится не на шутку, и решил пресечь его в зародыше.

— Все очень просто, — сказал он. — Назовем ее Мэри Роуз.

Кол первым оценил резонность этого предложения, и на лице его вспыхнула улыбка. Адам тоже быстро согласился. Трэвис собрался было рассмеяться, но Дуглас ткнул его локтем в бок, опасаясь, что он разбудит ребенка.

— Надо все распланировать, — зашептал Дуглас. — Нам нужно поскорее смотаться отсюда — может быть, даже завтра вечером, полночным поездом. Трэвис, ты должен раздобыть для Мэри Роуз все необходимое. Я куплю для нас билеты. Адам, тебе придется спрятаться вместе с ребенком в багажном вагоне. Что скажешь?

Адам кивнул.

— Твое дело все продумать, — сказал он, — а я не подведу.

— А на что ты купишь билеты? — спросил Кол.

— Конверт, что я выкрал у женщины, которая выбросила Мэри Роуз, был набит деньгами. Еще в нем лежали старые на вид бумаги с какими-то чудными буквами и с печатями, но я в них ничего не смог разобрать, потому что не умею читать. Но в деньгах я кое-что понимаю. У нас их достаточно, чтобы уехать так далеко, как захочет Адам, и купить немного земли.

— Покажи мне эти бумаги, — попросил Адам.

Дуглас вытащил из кармана пакет и вручил его жожаку. Увидев деньги, Адам присвистнул. Кроме банкнот, он нашел в конверте два листа бумаги. Один покрывали цифры и какие-то каракули, а другой казался почти чистым и походил на страницу, вырванную из книги. Лишь в верхней его части было написано несколько строк, в которых указывались дата рождения девочки и ее вес.

— Им было мало выбросить ее — они выбросили даже ее бумаги, — прошептал Дуглас.

— Когда меня сдали в приют для сирот, у меня не было никаких бумаг, — сказал Трэвис. — Хорошо еще, что я знал,

14 как меня зовут, верно, Кол?

— Да, пожалуй, — ответил Кол.

Трэвис пожал плечами, давая понять, что это не имеет значения.

— Я хочу предложить одну штуку, только не перебивайте меня, пока я не закончил, идет? — сказал он.

Он дождался, пока все кивнули, и лишь потом продолжил:

— Из всех нас только про меня нельзя сказать, что я не в ладах с законом. Поэтому я считаю, что Мэри Роуз следует носить мою фамилию. Если уж все делать по уму, как говорит Кол, то мою фамилию должны взять все. В конце концов, братья и сестры — одна семья, и с этой минуты нам всем надлежит стать Клэйборнами. Идет?

— Никто не поверит, что я — Клэйборн, — возразил Адам.

— Да кого это волнует? — сказал Кол. — Мы хотим, чтобы нас оставили в покое. Кто докажет, что ты не Клэйборн? Любому, кто к тебе привяжется, придется иметь дело со всеми нами. И не забывай, — добавил он, — что у меня теперь есть револьвер. Скоро я смогу решить любую проблему.

Дуглас с Трэвисом кивнули. Адам вздохнул. Дуглас простер руку над корзиной и, посмотрев на остальных, шепотом произнес:

— Мы бежим ради мамы Роуз и становимся семьей ради Мэри Роуз. Теперь мы братья.

— Братья, — повторил Трэвис таким тоном, словно произносил клятву.

Следующим был Кол.

— Мы братья до гроба, — сказал он.

Адам колебался некоторое время, которое показалось остальным мальчикам вечностью. Наконец он решил и накрыл ладонью руку Кола.

— Братья, — проговорил он дрожащим от волнения голосом. — Ради мамы Роуз и малышки.

3 июля 1860 года

Дорогая мама Роуз,

Пишу тебе это письмо в надежде, что вы с миссис Ливонией находитесь в добром здравии. Я хочу рассказать тебе обо всех удивительных приключениях, которые мне довелось пережить по пути на Запад, но прежде считаю необходимым сообщить тебе нечто очень важное. В нашей семье появилась твоя тезка, мама. Ее зовут Мэри Роуз...

*С любовьюю
Джон Куинси Адам Клэйборн.*